

А.П. Днепров

Формула бессмертия

Научно-фантастические повести и рассказы

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-312.9
ББК 84-445
А11

А11 **А.П. Днепров**
Формула бессмертия: Научно-фантастические повести и рассказы / А.П. Днепров – М.: Книга по Требованию, 2024. – 98 с.

ISBN 978-5-458-04169-0

ДОРОГИЕ ЧИТАТЕЛИ!, Присылайте свои отзывы о содержании, художественном оформлении, и полиграфическом исполнении книги, а также ваши пожелания издательству и автору., Пишите по адресу: Москва, А-30, Сущевская, 21, издательство ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия», массовый отдел.

ISBN 978-5-458-04169-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024
© А.П. Днепров, 2024

ОБ АВТОРЕ

А. Днепров (Анатолий Петрович Мицкевич) родился в 1919 году в городе Днепропетровске. В 1941 году он окончил физический факультет МГУ. С первых дней Отечественной войны служил в рядах Советской Армии. Демобилизовавшись, он поступил на работу в Академию наук СССР и защитил кандидатскую диссертацию по физике.

Научно-фантастические произведения А. Днепрова стали публиковаться с 1958 года. В журналах «Знание — сила» и «Молодая гвардия» появились его первые рассказы «Кораблекрушение», «Суэма» и «Крабы идут по острову». Затем рассказы и повести А. Днепрова включаются в традиционные сборники научно-фантастических произведений издательства «Молодая гвардия» — в сборники «Дорога в сто парсеков», «Альфа Эридана», «Золотой лотос» и др.

В 1960 году выходит первая книга А. Днепрова — сборник научно-фантастических повестей и рассказов «Уравнения Максвелла». В 1962 году в издательстве «Молодая гвардия» был подготовлен и вышел новый сборник рассказов А. Днепрова — «Мир, в котором я исчез».

«Формула бессмертия» включает в себя новые научно-фантастические произведения А. Днепрова: «Глиняный бог», «Лицом к стене», «Лунная соната», «Формула бессмертия».

Творчество А. Днепрова посвящено проблемам современной науки: пути развития современной науки, воздействие научных открытий на жизнь людей, общества и в связи с этим — этические, моральные проблемы — все это глубоко волнует писателя, является основным содержанием его произведений.

Творчество А. Днепрова снискало широкую признательность как советских, так и зарубежных читателей. Его повести и рассказы издавались в Румынии, Польше, Чехословакии, Англии и в других странах.

ГЛИНЯНЫЙ БОГ

1. ПУСТЫНЯ

Здесь я впервые увидел мираж.

Линия горизонта трепетала и извивалась в потоках раскаленного воздуха. Иногда от песчаного моря вдруг отрывался огромный ком светло-желтой земли и повисал на некоторое время в небе. Затем фантастический небесный остров опускался, расплывался и снова сливался с пустыней.

С каждым часом жара становилась сильнее и все более причудливо выглядела бескрайние пески. Сквозь колышущийся горячий воздух, как сквозь кривое стекло, мир казался изуродованным. В песчаный океан глубоко врезались клочья голубого неба, высоко вверх всплывали песчаные дюны. Нередко я терял из виду едва заметные контуры дороги и с опаской поглядывал на шофера.

Высокий молчаливый араб напряженно всматривался воспаленными глазами в раскаленную даль. Густые черные волосы были покрыты серой пылью, пыль была на смуглом лице, на бровях, на потрескавшихся от жары губах. Он, казалось, отрещился от всего и слился воедино с автомобилем, и эта отрешенность и слияние с ревущим и стонущим мотором почему-то придавала мне уверенность, что мы едем по правильному пути, что мы не потеряемся в безумном хороводе желтых и голубых пятен, которые обступали нас со всех сторон, по мере того как мы углублялись в пустыню.

Я посмотрел на пересохшие губы шофера, и мне захотелось пить. Я вдруг почувствовал, что мои губы тоже пересохли, язык стал жестким и неповоротливым, на зубах скрипит песок. Из кузова машины я перетащил на переднее сиденье свой дорожный саквояж и извлек термос. Я выпил залпом две кружки холодной влаги, которая здесь, в пустыне, имела необычный, почти неземной вкус. Затем я налил еще кружку и протянул ее шоферу:

— Пей...

Он не отвел глаз от дороги и только более плотно сжал губы.

— Пей, — повторил я, думая, что он не слышит. Тогда шофер повернулся ко мне лицом и холодно взглянул на меня.

— Пей! — Я протянул ему воду.

Он изо всех сил нажал на педаль. Машина резко рванулась, и от толчка вода выплеснулась мне на колено. В не доумении я несколько секунд продолжал держать пустую кружку. Мне показалось странным, что он отказался от воды.

Прошло мучительно много времени, прежде чем пустыня снова стала холмистой. Дорожная колея совсем исчезла, Шофер ловко объезжал высокие дюны, чутьем выискивая твердый грунт, то и дело переключая передачу на переднюю ось, чтобы машина не увязла в глубоком песке. Очевидно, этот путь ему приходилось преодолевать много раз. Было почти четыре часа дня, и до места назначения оставалось ехать не более часа.

Когда в Париже, в маленьком особняке на улице Шантийон, мне рассказывали про эту дорогу, я решил, что меня просто пугают, не желая взять на работу. Высокий тощий американец Вильям Бар говорил мне тогда:

«Не воображайте, что вам предлагают рай земной. Худшего ада не придума-

ешь. Вам придется жить и работать в настоящем пекле, вдали от всего того, что мы привыкли называть человеческой жизнью. Я не знаю точно, где это находится, но мне известно, что где-то на краю света божьего, в самой пустынной пустыне, которую только можно себе вообразить».

«Может быть, вы мне все же скажете хотя бы приблизительно?»

«Приблизительно? Пожалуйста. Где-то в Сахаре. Впрочем, в Агадире вас встретят и повезут куда нужно. Больше я ничего не знаю. Хотите — соглашайтесь, хотите — нет».

Я вспомнил объявление, которое я накануне прочитал на улице Дюбек:

«Молодой, не боящийся трудностей химик-лаборант требуется для работы вне Франции. Выдающиеся возможности в будущем, после завершения исследований. Возможны денежные и другие награды. Уникальная специализация. Рекомендации не обязательны. Желательно знание немецкого языка. Обращаться: улица Шантайон, 13».

Я согласился, и за этим последовал аванс в размере двух тысяч франков, затем короткое прощание с матерью, документы, которые мне почему-то выдали в американском консульстве, дальше Марсельский порт, Гибралтар, штурм в Атлантике, Агадир, и вот я здесь, в этом бескрайнем песчаном море.

Солнце горело оранжево-красным светом, когда вдруг изза неровной линии горизонта появилось что-то, что не было миражем. Автомобиль наезжал на свою быстро вытягивающуюся тень. Проваливаясь в глубоком песке, он приближался к яркокрасной полосе, которая постепенно вырастала над землей, превращаясь в бесконечную ограду. Она убегала на север и на юг, и ее границы терялись за песчаными холмами. Казалось, вся пустыня была перегорожена глиняной стеной пополам, а в центре стены виднелся темный квадрат, который, по мере того как мы приближались, принимал очертания огромных ворот. Ограда была очень высока, по ее гребню в четыре ряда была протянута колючая проволока. Через равные интервалы над проволокой возвышались высокие шесты с электрическими лампами. Лампы блестели кроваво-красными звездами в лучах заходящего солнца. У ворот, справа и слева, можно было различить два окошка. Мы подъехали к стене вплотную, и я вспомнил слова Вильяма Бара: «На краю света божьего...» Может быть, это и есть край света?

— Это здесь, — хрипло произнес шофер, медленно выползая из кабины.

Несколько секунд он стоял скрючившись, потирая колени затекших ног. Я достал из автомобиля свои немногочисленные пожитки — чемодан с бельем, саквояж и стопку перевязанных бечевкой книг — и пошел к воротам. Они походили на гигантский конверт, по углам запечатанный стальными печатями — болтами.

Шофер подошел к правому окошку и постучал. В нем мгновенно показалось темно-коричневое лицо. Последовал негромкий разговор на непонятном мне языке. Затем послышалось слабое гудение, и ворота медленно раскрылись.

За стеной я ожидал увидеть что-нибудь вроде города или поселка. Но, к моему изумлению, там оказалась вторая стена, такая же высокая, как и первая. Шофер вернулся к машине, включил мотор и медленно въехал в ворота. Я пошел следом. Машина свернула направо и поехала вдоль коридора, образованного двумя стенами. Здесь было уже совсем темно. Возле ворот находилась большая глиняная пристройка, у которой стояли часовые в военной форме, с карабинами

наперевес. Тот, мимо которого я проходил, вытянул шею, приглядываясь к моему багажу.

Так я шел за машиной минут пять, пока мы не остановились у небольшой двери во второй стене.

Шофер снова вышел из машины и постучал. Дверь сразу же открылась, на пороге появился человек,

— Входите, господин Пьер Мюрдаль, — произнес он на чистейшем французском языке и протянул руку к моим вещам. — Давайте познакомимся. Мое имя Шварц.

Я покорно вошел. Позади заревел автомобиль. Араб-шофер остался за оградой.

— У нас формальностей немного, — объявил Шварц, когда мы подошли к небольшой брезентовой палатке. — Будьте добры, ваш диплом, письмо от мистера Бара и вашу воду.

— И что? — переспросил я.

— Воду. У вас, наверно, есть с собой вода в термосе или в бутылке?

— Есть...

— Вот ее-то вы и должны сдать.

Я открыл саквояж и передал ему документы.

— А зачем вам моя вода?

— Мера предосторожности, — ответил он. — Мы боимся, чтобы с водой к нам сюда не попала какая-нибудь инфекция. Вы ведь знаете, здесь, в Африке...

— Ах, понимаю!

Он скрылся с моими документами и термосом, а я огляделся вокруг. Прямо передо мной вытянулись три длинные постройки баражного типа. Дальше, направо, виднелся трех этажный дом и рядом с ним здание, похожее на башню. Позади построек выделялась светлая полоска изгороди, а за нею я рассмотрел нечто поразившее и даже испугавшее меня: верхушки необыкновенных пальм. Они казались ярко-алыми на фоне пурпурного, почти фиолетового вечернего неба. Я бы никогда не поверил, что это пальмы. Но очень уж характерными были их кроны, их резные широкие листья, их гофрированные стволы. И все же цвет их листьев был слишком алым. Таким же, как цвет окрашенных солнцем бараков. «Оазис алых пальм», — подумал я.

Солнце зашло, быстро сгущались сумерки. Здесь, в пустыне, вечер длится всего несколько минут. Затем внезапно наступает кромешная тьма. Потускнели бараки, исчезли алые пальмы, и все погрузилось во мрак. Сразу стало прохладно. Вспыхнуло электричество, бесконечный ряд электрических ламп вдоль изгородей.

Из палатки вышел Шварц. В руке у него был электрический фонарик.

— Ну, вот и все. Теперь я провожу вас в вашу комнату. Извините, что вам пришлось немного подождать. Это не очень приятно после утомительной дороги.

Он взял мой чемодан, и мы медленно зашагали по глубокому песку к длинным постройкам.

2. МОРИС ПУАССОН

— К сожалению, после окончания университета все мы такие, — лениво

произнес Морис Пуассон. — Требуется много времени, прежде чем мы поймем, что сейчас границ между различными научными дисциплинами нет. Получается так: университетский курс существует сам по себе, а практика — сама по себе. И все из-за того, что в университете засилие старых консерваторов, вроде профессоров Перени, Вейса и прочих наших корифеев.

— Они не только наши. Это корифеи всей науки. Ими гордится Франция, — взразил я, рассматривая инструкцию к кварцевому спектрографу.

Сегодня Пуассон пришел рано. По расписанию наша работа начиналась в одиннадцать утра. Он же пришел в девять, едва я начал завтракать.

Я перестал читать инструкцию и взглянул ему в лицо:

— Скажите мне, пожалуйста, что мы здесь делаем? Вот уже неделя, как я живу между этими двумя глиняными стенами, и все еще не понимаю, что здесь происходит. Меня волнует неизвестность. Еще никто толком мне не сказал, зачем я сюда приехал.

Морис грустно улыбнулся и подошел к окну. Он посмотрел куда-то вдаль и, как бы про себя, заговорил:

— Вы здесь неделю, а я уже скоро три месяца. Если вы думаете, что я могу ответить на все ваши вопросы, то вы глубоко ошибаетесь. Я и не задаю их себе. К чему? — Он повернулся ко мне. — Впрочем, могу дать вам один совет: берегите нервы. Не думайте ни о чем, что выходит за пределы ваших обязанностей. Вы лаборант — хорошо. Сейчас вам необходимо изучать спектрофотометрию и научиться делать химические анализы средствами физической оптики.

— Да, но я ведь химик! Понимаете, химик!

Он пожал плечами и снова отвернулся к окну. Ни с того ни с сего вдруг спросил:

— А вы обратили внимание, что все оптические приборы здесь фирмы Карла Цейсса...

— Да.

— Цейсс — хорошая немецкая оптическая фирма. Помните, как в университете мы дрались за право сделать практическую работу на цейссовском микроскопе

Пуассон, как и я, окончил Сорбоннский университет, только годом раньше. Он специализировался по физической химии. До встречи здесь я его не знал. Его представили мне на третий день моего приезда.

Родом он был из Руана. О Париже он меня ничего не спрашивал. Сначала он держался со мной сухо, с подчеркнутой важностью. В перерывах между занятиями мы рассуждали о науке вообще.

— Итак, теперь вы знаете, как устроен этот прибор. Прошу вас рассказать по порядку методику спектрального анализа.

Я закрыл инструкцию и, как когда-то перед профессором на экзамене, начал:

— Вначале нужно включить водородную лампу и с помощью конденсорной линзы изображение кварцевого окошка спроектировать на входную щель спектрографа. Затем закрыть диафрагму, между щелью и конденсором поместить кювету с исследуемой жидкостью, вставить кассету в камеру спектрографа, открыть ее, открыть диафрагму и сделать экспозицию. После закрыть диафрагму, отодвинуть водородную лампу, поставить на ее место вольтову дугу с железными электродами, передвинуть пластинку в кассете на одно деление и проэкспо-

нировать свет железной дуги. После этого проявить пластинку, высушить ее и профотометрировать.

— Зачем необходимо экспонировать железную дугу? — спросил он, развалившись в кресле и закрыв глаза.

— Чтобы сопоставить всем участкам спектра линии железа, частоты которых известны.

— Кому они известны? Вам они известны?

— Мне? Пока нет. Они вот здесь, в этом каталоге.

— Правильно, — произнес он. — Научитесь читать спектр железной дуги по памяти. Это не очень трудно. Нужно запомнить всего каких-нибудь две ста цифр. Говорят, Грабер не любит, когда при работе заглядывают в справочники.

Я кивнул головой и через минуту спросил:

— А кто он такой, этот Грабер?

Морис несколько раз прошелся по комнате, затем почему-то открыл стоявшие на столе аналитические весы и легонько тронул пальцем позолоченную чашку. Вместо ответа на мой вопрос он вдруг спросил:

— Вы спирт пьете?

Я ничего не ответил. Положив инструкцию на стол, где стоял спектрограф, я вышел в соседнюю комнату. Здесь в десяти шкафах, расположенных вдоль стен, находились химические реактивы. Когда впервые мне показали место, где я буду работать, меня больше всего поразило обилие реактивов.

Это были лучшие реактивы, о которых я когда-либо слышал, огромное количество неорганических и органических соединений фирмы Кольбаума, Шерринга, Фарбен-Индустрис. По моим подсчетам, здесь было около пяти тысяч банок и пузырьков всех размеров и цветов, аккуратно расставленных в соответствии с принятой химической номенклатурой. В отдельном металлическом шкафу, из которого поднималась широкая вытяжная труба, хранились растворители — органические жидкости всевозможных классов. Я открыл этот шкаф и быстро отыскал этиловый спирт.

— Вы пьете разбавленным или так? — спросил я и протянул ему спирт в мензурке объемом в четверть литра.

— А вы? Впрочем, вам еще рано. Дайте стакан воды.

Пуассон выпил спирт большими глотками и, не переводя дыхания, прильнул к воде. Лицо его сделалось красным, из глаз потекли слезы. Он сделал несколько глубоких вздохов.

— Так вы спрашиваете, кто такой Грабер? Гм! Это сложный вопрос. По-моему, Грабер талантливый химик. И не только химик. Он, должно быть, разбирается и в физике и в биологии. Говорят, этот человек, глядя на все вот так, как я сейчас смотрю на вас, — Морис уставил на меня быстро мутнеющие глаза, — сразу же скажет, какова концентрация хлористого натрия в вашей крови, сколько пепсина выделилось в вашем желудке оттого, что вы пошевелили пальцем, насколько повысилась концентрация адреналина у вас в крови, потому что вы его, Грабера, испугались, какие железы внутренней секреции у вас заработали, когда он вам задал вопрос, насколько ускорился в вашем мозгу окислительный процесс, когда вы стали думать над ответом, и так далее и тому подобное. Грабер назубок знает всю сложную химическую лабораторию человеческого организма.

— Это очень интересно, — произнес я.

Мне стало немного жалко Мориса. После выпитого спирта он потускнел, сжался, превратился в жалкого, потеряенного человека. Я хотел было предложить ему идти домой, но вдруг подумал, что пьяный он более охотно ответит на волновавшие меня вопросы.

— Это очень интересно. Однако имеют ли его научные таланты какое-либо отношение к тому, что мне придется делать?

— Ха-ха-ха! — засмеялся Морис и покачал головой. Подойдя ко мне совсем близко, он в самое ухо прошептал: — В том-то и дело, что Грабер, наверно, хочет сделать одну злую шутку. Ха-ха! Я догадываюсь, что он хочет сделать... Впрочем... ш-ш-ша... Я ничего не знаю. Никто ничего не знает. И вообще, к чему этот дурацкий разговор? Слышите? Никаких вопросов! Я иду отдыхать, а вы потрудитесь снять спектры поглощения пяти растворов органических веществ. Любых, какие вам вздумается. Завтра я приду и проверю...

С этими словами Пуассон, покачиваясь и задевая за углы столов, нетвердой походкой вышел из лаборатории. Я долго смотрел ему вслед.

На следующий день после моего приезда Шварц изложил мне то, что он называл «распорядком дня». Жить я должен был тут же, при лаборатории. Выходить из помещения без надобности не полагалось. Прогулку разрешалось совершать три раза в день, да и то только вдоль барака, где я жил. Час утром, два часа в полдень и час вечером.

Это был почти арестантский режим. Завтрак, обед и ужин мне приносил в термосах закутанный с ног до головы в белый бурнус араб. Я был совершенно уверен, что он либо глухонемой, либо ровным счетом ни слова не понимает ни на одном языке, кроме своего, либо имеет строгие инструкции со мной не разговаривать. Все вопросы, которые могли у меня возникнуть, я должен был решать со Шварцем. Он регулярно навещал меня два раза в день, а иногда и чаще. Всегда очень любезный, веселый, онправлялся о моем здоровье, спрашивал, не написал ли я письма своим родителям и знакомым.

— Добрый день, господин Мюрдаль, — вдруг услышал я его голос над своей головой.

— Добрый день, — ответил я сухо.

— Итак, вы, говорят, освоили спектральный анализ, не правда ли? — спросил он добродушно, усаживаясь в кресло и закуривая сигарету.

— Н-не знаю. Я еще не пробовал.

— Во всяком случае, с теорией у вас все в порядке.

Я пожал плечами. Наверно, Пуассон доложил ему о моих успехах.

— Я хотел бы, чтобы вы продемонстрировали мне, как вы собираетесь выполнять спектрофотометрирование растворов.

Ни слова не говоря, я извлек из ящика стола цилиндрическую кварцевую кювету. Войдя в препараторскую, я взял из шкафа первый попавшийся пузырек, высыпал на ладонь немного вещества и бросил его в плоскодонную колбу. Затем из крана я налил воду. Когда раствор был готов, я стал заполнять кювету. В этот момент Шварц тихонько засмеялся и сказал:

— Достаточно, Мюрдаль. Все очень плохо. Можете не продолжать.

— Но еще ничего не сделано! — возразил я.

— Мой дорогой химик, — ответил он все с той же бесконечно любезной улыбкой, — вы уже сделали все, чтобы ваш анализ никуда не годился.

Я зло на него взглянул.

— Н-нда, — протянул он задумчиво. — Пуассон, видимо, неважный инструктор. Очень неважный. — Он потрогал нижнюю губу. — Вы хотите знать, почему ваш анализ никуда не годится? Во-первых, вы насыпали реагент на руку и этим его испачкали. Ведь ваши руки грязные. Не обижайтесь, они грязные в химическом смысле. Малейшие следы пота, закристаллизовавшихся в клетках солей, осевшая на руках пыль — все это вместе с реагентом попало в раствор. Далее, вы не взвесили реагент. Вы не знаете, какое количество вы его взяли. А не зная концентрации раствора, нельзя судить о спектрах поглощения. Далее, вы растворили реагент в воде из-под крана, а она в химическом отношении тоже грязная. Вы не вымыли кювету. Вы понимаете, сколько ошибок вы наделали за одну минуту?

Он засмеялся и добродушно похлопал меня по плечу, а я, совершенно уничтоженный, чувствовал, как краска заливает лицо.

— Ну ничего. Вначале это бывает. Только я вас очень прошу, не поступайте так впредь. Ведь вам в будущем предстоит очень ответственная работа, и уж если вы будете делать анализы, доктор Грабер должен в них верить. Понимаете?

— Да.

— А теперь давайте знакомиться по-настоящему, — продолжал он все тем же веселым тоном. — Мое имя Шварц, Фридрих Шварц, доктор химии из Боннского университета. Я руковожу этой лабораторией, а вы — мой лаборант. Вы будете работать под моим руководством, и, я надеюсь, будете работать хорошо. Теперь отработайте то, что вам сказал Пуассон, но только чисто. На каждой спектрофотограмме поставьте название вещества, растворитель, концентрацию раствора, время растворения, время проявления пластиинки. Вечером я проверю. Пока до свиданья.

Доктор Шварц, все еще улыбаясь, направился к выходу.

Вдруг он остановился и сказал:

— Кстати, я вам запрещаю поить Пуассона спиртом. Запрещаю пить и вам. Если у вас появится желание выпить, скажите мне. Здесь у нас есть чудесные коньяки: «Мартель», «Наполеон», что хотите.

3. «НАУКА ТРЕБУЕТ УЕДИНЕНИЯ»

Мир, в который я попал, оказался не таким бескрайним, как мне показалось вначале. На расстоянии около километра к северу от моего барака возвышалась ограда, отделявшая от территории института то, что я про себя окрестил «оазисом алых пальм». В действительности пальмы не были алыми, но не были и зелеными. Днем цвет их листьев казался оранжевым, почти под цвет песка.

Из разговоров с Пуассоном я узнал, что главный въезд на территорию института расположен в северной стене, у ее северо-восточного угла. Через эти ворота к Граберу прибывали различные грузы, материалы, горючее для электростанции и цистерны с водой.

По крайней мере в четырех постройках располагались химические лаборатории. В двух одноэтажных бараках прямо перед центральным въездом размещались лаборатории Шварца, несколько дальше к северу находилась еще одна лаборатория и еще одна — у стены «оазиса алых пальм». Там работал Пуассон. Над крышами бараков возвышались характерные жестяные трубы — вытяжки из

помещений, где проводились исследования.

Трехэтажное кирпичное здание в юго-восточном углу территории являлось резиденцией самого Грабера. Справа от здания возвышалась водонапорная башня.

С тех пор как я приехал, прошло более трех месяцев, но мое знакомство с территорией по-прежнему ограничивалось двумя бараками, где хозяйничал доктор Шварц. Кроме меня, в его распоряжении было еще только два сотрудника — немец, по имени Ганс, и итальянец Джованни Сакко. Оба они работали в северном бараке и ко мне никогда не заходили. Весь северный барак представлял собой синтетическую лабораторию. Там изготавливались какие-то химические вещества. Там же, вместе с Гансом и Сакко, жил и доктор Шварц. Я жил один.

По территории днем и ночью медленно шагали часовые, вооруженные карabinами. Они несли службу по двое и обходили территорию по какому-то очень сложному маршруту.

Мне редко приходилось видеть кого-нибудь на территории. Особенно безлюдным был юг, хотя днем из труб валил дым, а ночью иногда светились окна. Вдоль восточной ограды проходила асфальтовая дорога, и по ней довольно часто к водокачке или к электростанции подъезжали грузовики. На этой же дороге иногда появлялись люди, закутанные в белые бурнусы. Это были рабочие из местных жителей.

Кроме Шварца и Пуассона, я долгое время не общался ни с кем. Ганса и Сакко я встречал, когда приходил с результатами анализа в северный барак, однако всякий раз они немедленно удалялись, оставляя меня наедине с доктором. Пуассон приходил ко мне сам, причем после случая со спиртом очень редко. Заходил главным образом для того, чтобы взять какой-нибудь реактив или передать мне препарат для анализа. Он всегда был молчалив, задумчив и, как мне казалось, немного пьян. У меня создалось впечатление, будто он чем-то расстроен, но чем, он не хотел или не мог сказать.

Впрочем, вскоре после приезда у меня появился еще один знакомый, вернее, знакомая. Правда, я ни разу не видел ее в лицо. Это знакомство состоялось так. Однажды, когда я почему-то залежался в постели, вдруг зазвонил телефон. Так как до этого мне никто и никогда не звонил, я вскочил как ошпаренный и схватил трубку. Не успел я произнести и слова, как послышался женский голос:

— Господин Мюрдаль, пора на работу. — Женщина говорила по-французски, с очень сильным немецким акцентом. — Вы опаздываете на работу, господин Мюрдаль. Уже десять минут девятого.

Я посмотрел на часы. Мои часы показывали только семь...

— На моих только семь... — произнес я растерянно.

— Вы не проверяли свои часы. Звоните мне всегда после восьми вечера. Я буду говорить вам точное время.

— А как мне вам звонить?

— Просто поднимете трубку.

— Хорошо, спасибо. Я буду так делать. Кстати, как ваше имя?

— Айнциг.

Впоследствии мне приходилось часто пользоваться телефоном, чтобы лишний раз не ходить к доктору Шварцу, а также в тех случаях, когда нужно было справиться о судьбе анализов у Пуассона, к которому мне не разрешалось ходить.

Я поднимал трубку и называл, кого мне нужно. «Пожалуйста», — говорила Айнциг, и меня соединяли. Однажды вместо доктора Шварца трубку взял итальянец. На очень ломаном немецком языке он стал быстро мне говорить, что количество кремния, которое я обнаружил в препарате, слишком мало и что анализ необходимо повторить, и чтобы я...

Тут нас разъединили. Я стал кричать в трубку, чтобы меня соединили вновь, но голос Айнциг с подчеркнутой вежливостью произнес:

— По этим вопросам вам надлежит разговаривать только с доктором Шварцем. Его сейчас нет.

После этого я почему-то заинтересовался, куда идет провод от моего телефона. Оказывается, вниз, под пол. Электропроводка также была подземной. Я попробовал угадать, где находится телефонный коммутатор. Наверно, в трехэтажном здании, где обитал доктор Грабер.

За время пребывания в институте Грабера я научился многому. Теперь я мог очень профессионально выполнять качественный и количественный химический анализ, причем со значительно большей точностью, чем в университете. Кроме обычных реагентов для обнаружения химических элементов, я применял чувствительные органические индикаторы. Я освоил многие физические методы анализа, о которых раньше знал либо только по книжкам, либо по одному-двум практическим опытам на устаревшем оборудовании. Я овладел колориметрическим, спектрофотометрическим, спектральным, рентгеноструктурным и потенциометрическим анализами. Доктор Шварц настаивал на том, чтобы последний я выполнял особенно тщательно.

— Концентрацию водородных ионов в растворах вы должны определять с высокой степенью точности. В конце концов, вы должны ее просто чувствовать с точностью до третьего знака, — поучал он.

Я долго не мог понять, почему это так важно. Только впоследствии, когда здесь, в пустыне, разыгрались трагические события, я понял смысл всего этого...

Из лаборатории, где жил Шварц, мне передавали для анализа либо растворы, либо кристаллические вещества. Пуассон, как правило, приносил мне золу. Он что-то сжигал у себя в лаборатории, и мне предстояло определить состав того, что оставалось. Иногда он приносил растворы. Но это были не те кристально чистые растворы, которые поступали от Шварца. Растворы Пуассона почти всегда были очень мутными, с осадками, иногда неприятно пахли. Передавая их мне, он настаивал, чтобы, прежде чем я помещу их в потенциометрическую кювету или в кювету нефелометра, я их тщательно взбалтывал.

Однажды я не выдержал.

— Послушайте, Пуассон! — сказал я. — Как-то доктор Шварц забраковал мой анализ только потому, что я высыпал реагент на руку. А вы приносите буквально помои. Вот, например, глядите, в пробирке плавает настоящее бревно, или кусок кожи, или черт знает что! Как ни болтай, а эта грязь либо попадет, либо не попадет в анализ. И я уверен, что при той точности, которая требуется, у вас могут получиться разные результаты,

— Сделайте так, чтобы эта ткань попала в анализ, особенно в качественный, — произнес он и ушел.

Результаты каждого анализа я выписывал на специальном бланке, указывая все данные: какие химические элементы входят в состав препарата, их процент-